

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ НА ПЕТРОГРАДСКОМ ФРОНТЕ¹

В.В. Поликарпов

*кандидат исторических наук, доцент,
научный редактор журнала «Вопросы истории»*

Роль масонов в событиях предреволюционного времени и 1917 года остается мало и плохо изученной. Сохраняет силу наблюдение, принадлежащее А.Я. Авреху: в большинстве масоноведы «используют только те публикации, которые работают на их концепцию. Свидетельства, противоречащие ей, просто игнорируются». Делать «то, что в исторической науке принято называть критикой источников», считается излишним². А когда, в виде исключения, попытки в этом смысле предпринимаются, то приносят только плачевный результат. Обычно же анализ заменяется традиционными штампами: «признал позднее» такой-то «масон», «откровенно признал», «по мнению ряда историков» — таких, как Берберова, Яковлев... В литературе господствует абсолютно не отвечающая трагическому содержанию происходившего в России авантюрно-опереточная стилистика, привлекательная для любителей остросюжетной дешевки и удобная для пропаганды черносотенства.

Опубликование сфабрикованных НКВД показаний Некрасова не оставило равнодушными историков, занимающихся масонской темой. Ранее они удовлетворялись обрывками «воспоминаний», внедренными «в научный оборот» в 1974 г. Андроповым–Бобковым–Яковлевым. Теперь некоторые из этих специалистов, не ведая сомнений, используют полную публикацию, хотя природа «известий» Некрасова вполне очевидна. Без такого рода источников масоноведение ныне уже не мыслит своего существования. Появились и возражения по поводу критических замечаний, высказанных в статье «Из следственных дел Н.В. Некрасова».

Выдвинут аргумент в пользу достоверности показаний Некрасова³. Не отрицая ложность их основного содержания (признания в антисоветской террористической и вредительской деятельности), И.С. Розенталь в то же время усматривает «познавательную ценность» показаний в их «масонской части». То, что

¹ Первая публикация: Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М.: "Индрик", 2008, с....

² Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 68–69, 176.

³ Розенталь И.С. Масоны и попытки объединения политической оппозиции в России начала XX в. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 65.

сообщил Некрасов на допросах, по мнению Розенталя, заслуживает доверия потому, что совпадает «со свидетельствами на ту же тему, достоверность которых вне сомнений». В том же смысле высказался В.И. Старцев: «Сопоставление каждого факта, упоминаемого Некрасовым, с аналогичными (?) материалами, опубликованными или хранящимися за рубежом, показывает полное соответствие. Это я и называю проверкой его показаний по первоисточникам».

Такая методика не выдерживает критики. Если сведения о масонах имеются в надежном (допустим) источнике и те же сведения — в источнике заведомо фальсифицированном, то «познавательную ценность» фальшивка от этого не приобретает. Выдвигается на очередь лишь вопрос, как достигнуто это совпадение, делающее фальшивку правдоподобной. Отсюда и дальнейший вопрос: какими материалами о масонстве располагало ОГПУ–НКВД.

Ложными представлениями в этом вопросе руководствовался В.И. Старцев. Утверждая независимость своих (и Л. Хеймсона) занятий масонской темой от интересов КГБ, отрицая здесь связь с яковлевской провокацией 1974 г., Старцев ссылаясь на хронологию: на попроще масонских исследований он сам явился еще за семь лет до 1974 г. (Хеймсон так даже за десять лет), а не по призыву КГБ. Но никто и не собирался подозревать Старцева, как и Хеймсона, в секретном сотрудничестве с КГБ. Другое дело, что успешное внедрение масонской темы в середине 1960-х гг. в американскую академическую литературу должно было вдохновить андроповское ведомство на проведение той идеологической спецоперации, к которой и были привлечены Яковлев и другие подобные масонovedы. Приведенные же Старцевым хронологические расчеты значения не имеют, поскольку не решают вопроса о приоритете. Принять их — значит думать, что до 1974 г. чекисты стояли в стороне, масонство их не интересовало.

Возьмем, к примеру, показание некоего «розенкрейцера» (А.В. Барченко), данное в 1937 г., о том, что Я.Г. Блюмкин (расстрелян 3 ноября 1929 г.), желая его запугать, сообщил — «истерично орал», по элегантному выражению «литератора Олега Шишкина», — «об их [сотрудников ОГПУ Г.И. Бокия и Я.С. Агранова] связях с масонами с дореволюционных времен»⁴. Иному масонovedу покажется, что «известие» об этих связях не лишено «познавательной ценности» (худо ли: Бокий, один из руководителей Октябрьского переворота, — то ли сам из масонов, то ли их сообщник). Объективный же смысл данного известия лишь в том, что в 1937 г. (не за семь и не за десять лет до провокации 1974 г.) на Лубянке, свойственными тому ведомству методами, вплотную занимались масонской проблемой. «ГПУ теперь особенно внимательно интересуется масонством и может пытаться искать непосредственные нити от прошлого к

⁴ См.: Велидов А.С. Похождения террориста. Одиссея Якова Блюмкина. М., 1998. С. 255, 266. Приложение. Это показание Барченко о масонстве Бокия даже «подтверждается» вполне «аналогичным материалом», столь же надежным источником — показаниями самого Бокия на допросе в мае 1937 г. (см. Андреев А. Оккультист Страны Советов // Бережков В., Андреев А. Оккультисты Лубянки. М., 2006. С. 396).

настоящему», — писал в январе 1931 г. Б.И. Николаевский М.А. Алданову⁵. Из материалов ОГПУ второй половины 20-х гг. следует, что Управление «особенно интересовалось заграничными связями российских масонов»⁶. При реабилитации в 1956 г. начальника 9-го управления НКВД Г.И. Бокия прокуратура нашла, что он «действительно занимался изучением структуры и идейных течений масонства»⁷. Как установлено французскими и отечественными специалистами, русское масонство в эмиграции в 1930-е гг. обслуживало разведку. Масонскую штаб-квартиру в Париже на улице Иветт они аттестуют как «центр шпионажа русской эмиграции... на советское посольство». Доклад, представленный одним из таких «масонов» на Лубянку в 1933 г., содержит «развернутые характеристики» 92 «братьев» вплоть до указания на их «чисто человеческие струны», на чем можно было бы сыграть при их последующей вербовке. Контакты с советскими агентами поддерживались и позднее и раньше; «органы» не раз проводили операции «по заманиванию масонских шефов в свои сети». В «агентах Коминтерна» состоял «метр венерабль» логи «Великий Восток Италии». Масонов, проводивших свою конференцию в Брюсселе в 1935 г., агенты «советских кругов» уверили, что уже «приближается время, когда Россия созреет для масонской деятельности», и «братья» радовались этим попыткам контактов, устанавливавшихся «всегда по инициативе советских кругов»⁸. Грудой материалов, предоставленных ФСБ и отражающих напряженную работу ОГПУ в 1920-е гг. с масонскими и иными подобными организациями, опубликовал (не умея, впрочем, использовать ее в исследовательских целях) В.С. Брачев; их дополняют материалы, изданные А.Л. Никитиным⁹.

Все это лишает почвы утверждения, будто те или иные масонские материалы, хранящиеся за рубежом, в силу самого этого обстоятельства якобы делались «недоступными НКВД», а значит, могут служить независимым источником для анализа сведений о масонах, вписанных в показания Некрасова¹⁰. Анализ источников по этой линии — задача более сложная, чем иногда представляется. Факт, не оспоренный, но и не учитываемый Розенталем, заключается в том, что ОГПУ и НКВД разными способами энергично обзаводились «масонскими» материалами и сами их плодили. В 1937 г. формула обвинения: «создание масонской контрреволюционной террористической организации и шпионаж в пользу Ан-

⁵ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 121.

⁶ Андреев А. Указ. соч. С. 412.

⁷ Соловьев О. Русские масоны. М., 2006. С. 397–400, 425.

⁸ Соловьев О.Ф. [Рец. на книги О.А. Платонова и А.И. Серкова] // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 158–159; ЕГО ЖЕ. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 146; ЕГО ЖЕ. Русские масоны. С. 397–400.

⁹ Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. М., 2000.

¹⁰ Розенталь И.С. Указ. соч. С. 52, 65; Старцев В.И. Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 173–176; Соловьев О.Ф. Русские масоны. С. 238; Седова Я.А. Великий магистр революции. М., 2006. С. 287. Вопреки утверждению Седовой, причастность сержанта госбезопасности к составлению протокола вытекает не из догадки, основанной на факте получения Яковлевым этого протокола от КГБ, а из имеющихся под протоколами подписей этого сержанта по фамилии Иванов (Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 37, 48).

глии» уже «звучала совершенно стандартно»¹¹ (вариант: «руководитель ленинградского отделения ордена розенкрейцеров, связанного с заграничным центром масонской организации» плюс шпионаж в пользу Японии). До 1941 г. нацисты и Лубянка, состязаясь, делали в Берлине, Париже и Москве одно общее дело, а сформированная их усилиями коллекция материалов о масонстве досталась в конечном счете советским спецслужбам. Десятки лет спустя КГБ их эффективно использовал¹².

Нет никаких признаков осведомленности Розенталя относительно того, какими же материалами о масонстве в действительности «органы» владели (и какими — нет). Старцев, нужно отдать ему должное, попытался через Яковлева добраться до некрасовских свидетельств, но его ждало фиаско. «Я очень добивался встречи с Яковлевым после выхода в свет его книги, — вспоминал Старцев, — а когда встреча состоялась, то просил показать текст этих показаний. Он привел меня в кладовку, на полтора метра от пола набитую копиями разных документов, и сказал, что найти в этой куче нужные копии невозможно»¹³. Этим и закончилась археографическая экспедиция. У Старцева пропал интерес к критике источника, даже детального сопоставления «воспоминаний» Некрасова с доступными материалами Николаевского он не произвел, хотя в общей форме высказал убеждение в их совпадении.

Почему-то Розенталь считает, что в не удовлетворившей его статье «Из следственных дел Н.В. Некрасова» обязательно нужно было использовать «материалы, собранные в эмиграции Б.И. Николаевским» и опубликованные Старцевым в 1989–1990 гг. Старцев в той же связи проводил мысль, что отсутствие ссылок на этот его труд (действительно, только одна!) — признак вопиющего незнания с предметом; незнанием такого важнейшего источника и объясняется полное отрицание существования масонства — «попытки вновь представить масонство как нечто выдуманное и несуществующее». Но где же, кто делает такие попытки? Не слишком ли легкий избирается способ полемики, когда подменяют предмет обсуждения? Речь ведь шла о правомерности использования вполне конкретного источника сведений о масонах — показаний Некрасова. Здесь Родос! Какие именно известия в материалах Николаевского настолько существенны для подтверждения достоверности протоколов допросов, что заслуживают, по мнению Розенталя, обязательного упоминания? Отсылка к названной публикации Старцева *in cogrore*, каким бы ценным ни считался в масоноведении этот материал, имеет, по сути, безадресный характер.

Возможно, оценка протоколов допросов плохо подытожена в статье «Из следственных дел Н.В. Некрасова», раз она вновь и вновь порождает впечатле-

¹¹ Андреев А. Указ. соч. С. 418, 420.

¹² Понимание характера источника — показаний следователям НКВД — не устраняет соблазна. Х. Вада, например, упрекает Ц. Хасегаву, за то, что тот не использовал материал Яковлева (показания Некрасова) и «не придавал значения масонским связям». «Хотя этот человек [Яковлев] одиозный из-за связей с КГБ, эти показания были важными... Я поддерживаю концепцию Старцева» (Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. Избр. труды. М., 1999. С. 46).

¹³ Старцев В.И. Письмо в редакцию. С. 173.

ние об «огульном отрицании» этих документов как источника¹⁴. Подобное отрицание было бы неверно: это полезный источник, проливающий свет на занятия ОГПУ–НКВД в 1920–1930-х гг. (разработка «масонства»). Но «познавательная ценность» того же источника для изучения самого масонства начала XX в. нуждалось бы в серьезном обосновании, а пока это не сделано — близка к нулю.

С масонскими источниками вечно какие-то тайны да недоразумения — вспомним, например, исчезнувшее интервью о масонах А.И. Гучкова¹⁵, доживавшего свой век в Париже в окружении агентов советских спецслужб. Все прочие мемуарные записи Гучкова, по самым разным вопросам, сохранились, лишь именно эта куда-то запропастилась. Или, наоборот, загадочное обретение рукописи «Красной симфонии» доктора И. Ландовского с разоблачениями заговора «мировой иудейской закулисы». Опять, как у Элькина, приобретение от таинственного покойника: концы в воду!¹⁶ Прежде использования материалов Николаевского также следовало бы разрешить некоторые археографические вопросы, которые они вызывают.

«Подлинность всех этих документов не вызывает никаких сомнений», — уверял скептиков публикатор этих материалов, ознакомившись с ними в Колумбийском университете. Масонский устав «обследован и идентифицирован лично мною. Интервью даны свободно и под условием их неопубликования». Со Старцевым соглашается Б. Витенберг: по его мнению, документы эти дают «вполне убедительные свидетельства»¹⁷. Другой специалист по масонам, О.Ф. Соловьев, однако, все же сеет сомнения. Его «настораживает... признание публикатора об использовании машинописных копий, не оригиналов». Тут «не спасает и ссылка его [Старцева] на то, что “машинописные копии, а потом и ксерокопии” якобы “фактически сохраняют весь внешний вид оригиналов”. Как удалось произвести такое сличение публикатору, не видевшему подлинника, да еще умалчивающему о том, подписаны ли копии, какую имели правку и т. д., остается неизвестным»¹⁸.

Все эти источниковедческие премудрости О.Ф. Соловьев ныне отбрасывает и, не вдаваясь в объяснения, становится на противоположную точку зрения. Теперь те же материалы Николаевского–Старцева уже не только не вызывают у него сомнений — наоборот, сами они годятся для того, чтобы подкрепить познавательную ценность показаний Некрасова. Но и без этого, по мнению Соловьева, поставить под сомнение протокол допроса — значит «походя бросить

¹⁴ Макушин А. Узловые проблемы истории российского либерализма // Исторические исследования в России. II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 358.

¹⁵ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 140, примеч. 70 и 67, 131.

¹⁶ Виноградов А. Тайные битвы XX столетия. М., 1999. С. 451сл.; Брачев В.С. Масоны, мистики и богоискатели в России. XX век. СПб., 2003. С. 189–190; его же. Чекисты против оккультистов. М., 2004. С. 147; Ландовский И. Красная симфония. (Откровения троцкиста Раковского). Новосибирск, 2000.

¹⁷ Витенберг Б. Между мистикой и политикой: российское масонство в начале XX века (обзор новых книг о русском масонстве) // НЛО. 2004. № 70. С. 388.

¹⁸ Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730–1917. М., 1993. С. 216.

ть на безвинно расстрелянного» «видного отечественного деятеля Н.В. Некрасова»¹⁹. («Безвинно»? А ведь в том же протоколе он все признал? При этом «узник Некрасов ничего не выдумывал» и никакого сценария не было, потому что «невежественные следователи не могли разработать» его?) Это вежа в науке, неслыханная доселе, новейшая по духу современности, постановка вопроса!

Суть ранее высказанных соображений О.Ф. Соловьева все же сохраняет свою силу, в объективированном, так сказать, виде историографического факта, существующего, получается, теперь уже независимо от автора.

Критические указания Соловьева в отношении «материалов Николаевского» Старцев не принял во внимание. Но нельзя видеть в них мелочную придирку, памятуя, как Старцев выяснял у Яковлева достоверность «воспоминаний» Некрасова. А как исполнено им обещание обнародовать данные собственного «источниковедческого, текстологического и графологического анализа» документов Б. Элькина? Крохоборы (А.В. Островский в первую очередь²⁰) привязались, не раз напомнили об этом обещании, и оно было исполнено Старцевым так: «Кстати, документы этой публикации (факсимильные копии!) подлинные. Это подтверждается наличием на них (все-таки: подлинники или копии? — *В.П.*) входящих штампов «Великого Востока Франции», типографскими формулярами списков, подписями Сеншоля и Буле».

Вот и вся текстология и графология. Да и к чему все это. Чекистская совесть разве позволила бы сфабриковать факсимильные копии, да еще с подписями двух «венераблей». К тому же не всегда приходилось подделывать оттиск печати: подлинной печатью ложки «Астрея» чекисты обзавелись еще в 1919 г. (отняли у С.П. Мельгунова)²¹. По поводу имеющих в документах Элькина десятков несоответствий действительно независимым источникам, на что указал Островский, Старцев высказался столь же лаконично — что «наблюдения А.В. Островского относительно нахождения или отсутствия тех или иных людей в Москве в период составления списков... нисколько не опровергают подлинность этих делопроизводственных источников “Великого Востока Франции”».

Категоричность ответа не снимает проблему.

Во-первых, сомнения, высказанные Островским, не сводятся к составу списков «братьев», а относятся также и к особенностям формуляра делопроизводственных документов, к удостоверяющим их подлинность элементам, а также к происхождению. Все это оставлено Старцевым в стороне.

Во-вторых, и в списках Островский обратил внимание не только на путаницу с московскими адресами, но также на расхождения в указании дат и мест (Париж или Петербург?) приема ряда лиц в масоны, нелепости в обозначенных

¹⁹ Соловьев О. Русские масоны. с. 238. Впрочем, в другом месте О.Ф. Соловьев и сам оспаривает утверждения Некрасова в его показаниях (с. 264).

²⁰ Островский А.В. Указ. соч. С. 167.

²¹ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 199

датах рождения; на ошибочно проставленную «подлинную» подпись одного лица (Баженов) вместо другого — однофамильца, с соответственно перепутанным указанием адреса. Скептику — повод подумать, что составитель списка (не сержант ли госбезопасности опять?) в спешке и небрежно списывал на типографский бланк сведения о Баженове из дореволюционного городского справочника. Сплошной перечень подобных «недоразумений», обнаруженных в документах Элькина, занимает у Островского девять страниц, и это вовсе не такие пустяки, какими они представлены в возражениях Старцева.

Подлинные тетради Николаевского отсутствуют в архиве Колумбийского университета. Старцев объяснял это предположением, что они, «видимо», «были проданы в 60-х гг.» Николаевским кому-то. Известно, однако, что какая-то часть бумаг Николаевского поступила в Москву еще до войны. Независимость же показаний Некрасова от тетрадей Николаевского или каких-либо еще «заграничных» материалов, сфабрикованных на Лубянке, — даже не гипотеза, а лишь произвольное допущение. Оно и останется в том же качестве до тех пор, пока не откроется возможность свободно работать с архивами этого ведомства и выяснится, чем оно располагало и какие ставило цели, запасаясь подобными «источниками». Упование на такую возможность в будущем, вопреки мнению Розенталя, не пессимизм в отношении источников, — скорее, неумный оптимизм²². На нынешний день известно, что бывшие Центральный партийный архив и ЦГАОР (РГАСПИ и ГАРФ) получили часть бумаг Николаевского из Оперативного архива госбезопасности (ЦГОА) «без указания источника» их поступления. При этом ЦГОА жертвовал в посторонние хранилища не огульно те или иные фонды, а лишь такой материал, какой, по заключению начальника архива, «не может быть использован для оперативно-чекистской работы»²³. И ныне лишь отдельные документы такого рода Служба внешней разведки предоставляет отдельным исследователям²⁴.

Бесчисленные протоколы допросов, имеющие «масонскую часть», сочинены следователями по нехитрой схеме, воспроизводящей, в основе, образцовый шаблон наставления по тактике допроса: последственный сначала все отрицает, пытается увести следствие от сути дела к пустякам. Но проницательный чекист выбирает нужный момент и, вооруженный знанием истинных обстоятельств (поскольку располагает признательными показаниями, уже полученными от других «братьев»), ловко припирает вражину к стене²⁵: «Это неправда. Где в настоящее время находится имярек?» («брат» допрашиваемого). Застигнутому врасплох незадачливому «масону» ничего не остается, как пролепетать:

²² А до тех пор, пока новые возможности не откроются, действительно, «вряд ли можно рассчитывать на что-то большее, чем незначительное уточнение масонских списков», а оно «дает не очень много» «для изучения собственно масонской деятельности» (Витенберг Б. Указ. соч. С. 388).

²³ Гримстед П.К. Дважды захваченные или «дважды спасенные»? Розыск российских «трофейных» архивов и добычи Главного управления имперской безопасности // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 430—431.

²⁴ См. Соловьев О. Русские масоны. С. 400.

²⁵ Бережков В., Андреев А. Указ. соч. С. 90—91, 478.

да, его «брат» и сообщник был расстрелян как английский шпион. «Я признаю, что мне были известны факты, указывающие на шпионскую деятельность «брата»». От следствия, видно, ничего не скроешь, деваться некуда, надо сознаваться и дальше: «Я признаю, что наша ложа входила в состав общемасонской системы шпионажа». Итог: умелой тактикой допроса следователь вынудил сознаться еще одного упорного и хитрого врага, а меры «физического воздействия» — это уже не вопрос тактики, это регулируется инструкцией и в протокол не попадает.

От утверждения о недоступности для НКВД тетрадей Николаевского Розенталь переходит к попытке провести собственный анализ показаний Некрасова, сводящийся на практике к авторским предположениям о смысле действий «ежовских масоноведов». Оказывается, как «легко заметить» (конечно! вот же протокол!), на допросе Некрасов проявил такую исключительную стойкость, выносливость (или Ландовский отдыхал в отпуску?), что «не выполнил требование следователя» и не выдал чекистам страшные масонские тайны. Но в то же время следствие, по мнению Розенталя, получило «достаточное количество (достаточное для чего — не сказано. — В.П.) вырванных пытками “признаний” Некрасова». Из этого Розенталь заключает, что как по одной причине (Некрасов не рассказал), так и по другой (рассказал «достаточно») «масонская легенда не была использована в 1939 г. в качестве обвинительного материала».

Если «масонская часть» показаний Некрасова — легенда, выдумки; если его «признания» — заслуживают красноречивых кавычек, то против чего же спор?

Если такова устоявшаяся — и рекомендуемая в кругу части специалистов — «традиционная» методика критики источника, то перед нами наглядное свидетельство незавидного, вопреки самооценкам, состояния масоноведения. Трудно ожидать, что ему удастся преодолеть собственную пристрастность, побуждающую злоупотреблять источниками темного происхождения и более чем сомнительного качества.

Масоноведы, как правило, избегают выяснять те недоразумения, которые обнаруживаются в подобных источниках, порождая недоверие к ним, и повторяют, вместо аргументов, нечто вроде заклинания: примите на веру этот источник, «в точности которого нет оснований сомневаться». Например, М.В. Назаров из тетрадей Николаевского (запись беседы с А.Я. Гальперном) «узнал» о масонстве А.В. Карташева (Гальперн-де представил его как одного из «руководящих деятелей Верховного Совета»²⁶). Когда же Назаров в последующем встретил опровержение этих сведений самим Карташевым, то ему показалось «странным» не сообщение Гальперна, а заявление Карташева: «Я масоном не был и не буду, как человек сознательно отдавший свою волю церковной дисциплине и не могущий вместить какого-то духовного двоеподданства». Объясняя эту «странность», Назаров в духе Берберовой строит предположения, против-

²⁶ См.: История СССР. 1990. № 1. С. 149, 142.

речащие одно другому: либо Карташев к этому времени «отошел от масонства», либо просто вводил в заблуждение и пытался «отмежеваться» от «думского» масонства, используя некие «формальные моменты», какие-то «внутримасонские проблемы», которые, опять же, «вряд ли можно считать существенными для нашей темы»²⁷, т. е. и тут — предположения, загадки, намеки, понятные только посвященным в сугубые тайны «настойчивой работы масонов и евреев».

Спор масоноведением решается в пользу Гальперна: это «достоверное свидетельство», оно к тому же «частично подтверждено менее полным» — но не менее надежным! — «свидетельством Н.С. Чхеидзе» в тех же копиях тетрадей Николаевского; так считает патриарх масоноведения, изучавший этот источник на протяжении почти 50 лет²⁸.

Для разоблачения заговора «мировой иудейской закулисы» пользуется популярностью в «патриотических» кругах и такой «документ», как протокол допроса Х.Г. Раковского 26 января 1938 г. Его используют по тексту, приведенному в «Красной симфонии» — сочинении, опубликованном от имени «доктора Ландовского», якобы служившего с 1936 г. в токсикологической лаборатории НКВД. (Рукопись «Красной симфонии» будто бы была обнаружена «на трупе» Ландовского где-то «на Петроградском фронте» второй мировой войны.) Показания о своем участии во всемирном масонском заговоре Раковский дал, как сказано в «Красной симфонии» от лица Ландовского, под воздействием наркотического средства, незаметно введенного ему самим этим «доктором». У «Ландовского» не без основания вся описанная процедура именуется «пыткой». Масоноведов определенного сорта («группа русских ученых патриотов» во главе с генералом спецслужбы) такая подробность не озадачивает, в их глазах «познавательная ценность» «документа» оттого едва ли не возрастает. Да, собственно, с точки зрения этого генерала и не видна разница между допросом-пыткой и «непринужденно» проходившим «разговором»: ведь была «закуска и выпивка», «обстановка была создана уютная», а пилюля в рюмку — это лишь средство, «возбуждающее энергию и поддерживающее бодрое настроение»²⁹.

Порочное происхождение «Красной симфонии», задуманной как подтверждение «Протоколов Сионских мудрецов», очевидно. Единственное в этой фашизоидной легенде похожее на факт обстоятельство — личность «доктора И. Ландовского», поскольку указаны место, время его службы в таком ведомстве, где о людях должно быть все известно. Таким образом, хотя бы этот факт поддается объективной проверке. Редакция журнала «Вопросы истории» и обратилась в компетентное ведомство с просьбой дать возможность «проверить некоторые фактические сведения» о Раковском, «появившиеся в печати за последние годы». Требовалось установить, «достоверны ли сведения о том, что с

²⁷ См.: Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. Т. 1. С. 130, 131.

²⁸ Хеймсон Л. Проблема социальной стабильности в городской России 1905–1914 гг. // Между двух революций. 1905–1917. СПб., 2005. С. 156. Авторизованный перевод статьи 1964/1965 гг. из «Slavic Review».

²⁹ Ландовский И. Красная симфония. (Откровения троцкиста Раковского). Новосибирск, 2000. С. 5, 6.

1936 г. в НКВД работал некто И. Ландовский, медик и химик (фармацевт) по профессии, участвовавший в подготовке допроса Х.Г. Раковского 26 января 1938 г.»; «если да, то что известно о судьбе этого Ландовского». В ответном письме ведомство исчерпывающе прояснило вопрос: «Какими-либо сведениями о И. Ландовском Центральный архив ФСБ России не располагает».

Биограф Раковского М.Г. Станчев получил возможность ознакомиться со следственным делом своего героя. Протокола, напечатанного в «Красной симфонии», в нем, разумеется, не оказалось. Зато есть два других документа, имеющих свою «масонскую часть». На очной ставке Раковского с К.К. Юрениным, проведенной в присутствии Н.И. Ежова 22 сентября 1937 г., Раковский, подобно Некрасову и Бокию, рассказывал о своем и Юренина участии в «троцкистско-пораженческом течении», в работе на английскую разведку, в подрыве обороноспособности СССР путем ослабления борьбы с распространением венерических заболеваний (по заданию японцев) и пр. Заодно он «вспомнил» еще и о том, что якобы видел письмо Юренина Пятакову, в котором Троцкий именовался «венераблем», а Пятаков — «мастером», и пояснил: «Это клички, обычно применяемые в масонских ложах... “Венерабль” — это старшина ложи, “мастер” — это первый ранг, а потом идут братья». (ЮРЕНИН: «В сознании не уместится этот своеобразный бред»; «Это просто бред сумасшедшего»; «Письма не было, покажите мне его...») Между тем Раковский ранее, 8 сентября, не имея перед собой Юренина, привел те же сведения (в собственноручно написанном показании) и, ссылаясь на то же письмо, где Троцкий якобы именовался «венераблем», на этот раз произвел в «мастера» не Пятакова, а самого Юренина: из письма «я узнал, что подпольная кличка Юренина, под которой он известен Пятакову, “мастер”». Следователь, проводивший очную ставку, не исправил показания Раковского. В результате — еще одна непостижимая масонская тайна: то ли сержант снова напутал, кто «мастер» — Пятаков или Юренин, то ли сам «железный нарком» запасался, как умел, «уликами» на любые возможные варианты сценария о всемирном масонском заговоре³⁰. Так что, кому — «бред сумасшедшего», а кому — «познавательная ценность». По словам первого заместителя Ежова М.П. Фриновского, на допросах и очных ставках «очень часто показания давали сами следователи, а не подследственные». Ежов и Фриновский «поощряли» такую практику³¹. Сопоставление двух показаний Раковского о «мастере» Юренине/Пятакове обнаруживает образчик подобного литературного творчества. «Познавательную ценность» придает протоколам как раз то, что и является «показаниями следователя».

Читая показания «брата» Бокия, масоновед не слишком затрудняется в оценке источника: «Хотя мы хорошо знаем цену подобных признаний, все же в показаниях Бокия наряду с явным самооговором можно найти и немало досто-

³⁰ См. Станчев М.Г. Христиан Раковский в застенках НКВД // Bulgarian Historical Review. 2005. № 1–2. P. 222; № 3–4. P. 167, 169.

³¹ Виктор Б.А. Без грифа «Секретно». Записки военного прокурора. М., 1990. С. 229—230.

верных сведений»³². Действительно, ведь нет оснований считать познавательную ценность «масонской части» показаний Раковского или Бокия меньшей, чем «масонской части» показаний Некрасова. Фальшивка, конечно, ясно как божий день, но местами чудо как достоверно выглядит!

«Академическое», так сказать, масоноведение мало заботится о чистоте ремесла, отчасти, видимо, потому, что тогда пришлось бы отказаться от существенных элементов собственной источниковой базы. Думается, что еще одна из причин его изначального кризиса заключается в узком определении самого изучаемого предмета. Идя по «масонскому следу», историк нередко смотрит на «братьев» через призму их собственных специфических представлений, и на первый план выступают маргинальные детали, никак не влиявшие на ход грандиозных событий³³, маниловские мечтания (вот бы навести мосты сотрудничества между враждующими группировками!), простительные, может быть, в благополучные времена в процветающей стране. Мельгунов, который «объединению оппозиции очень всегда сочувствовал», считал увлечения «отжившими формами масонства» — «смешными и ненужными вещами»³⁴. К чести некоторых из видных фигур, в свое время приобщившихся к столь «пошлому... предприятию», мистические грани их политических биографий позднее порождали у них чувство «неловкости и даже некоторого стыда перед своей публикой»³⁵, — отметил Аврех.

Серьезная же сторона «масонской проблемы» — в меру ее реальности — обращена к состоянию российской политической культуры. На этом материале раскрывается истинный калибр многих деятелей, столпившихся на авансцене общественной жизни и не знавших, как с пользой употребить свои дарования. О времяпрепровождении на заседаниях лож мало что конкретно известно. Как свидетельствует один из немногих источников, проливающих на эту важную сторону вопроса свет, «братья» при встрече старательно избегали обсуждения «внутреннего положения» и «настроения трудового народа», что могло вызвать разлад в их среде, но зато с упоением делили Европу — Константинополь, проливы. Таким способом они «получали ощущение причастности к высокой политике, не выходя из помещения собраний ложи»³⁶. Не находя в себе воли и разума сосредоточить усилия на насущных задачах, они растрчивали иссякающий запас времени на политическое столоверчение³⁷. Масштабу исторического действия, в котором им довелось играть роль, не отвечали их интеллектуальные и моральные ресурсы.

³² Андреев А. Указ. соч. С. 396.

³³ В 1917 г. масонство на ход событий «не оказывало никакого влияния» (Розенталь И.С. Москва на перепутье. Власть и общество в 1905–1914 гг. М., 2004. С. 188).

³⁴ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 198.

³⁵ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 190.

³⁶ См. Соколов А.В. Еще раз о Великом Востоке народов России // Политическая история России первой четверти XX века. Памяти профессора Виталия Ивановича Старцева. СПб., 2006. С. 110, 114).

³⁷ Витенберг обращает внимание на перспективность «изучения феномена масонства в связи с общей психологической атмосферой эпохи... с характерными для нее мистическими и оккультными настроениями» (Витенберг Б. Указ. соч. С. 388–389).

То, что в исторической литературе, в согласии со стандартами политологии, именуется элитой русского общества, в Феврале держало экзамен на такое звание. Как оказалось, эти деятели, делившие свое время между заседаниями в Думе и в масонских ложах, отличались «общим непониманием» жизненных интересов России, народа; они «неадекватно представляли истоки революции и реальную степень ее “созревания”», не уловили появления «предпосылок стихийных революционных выступлений рабочих и солдатских масс Петрограда», потому что пребывали в плену «совокупности мифов»; эта «элита» и в дальнейшем оказалась неспособной выполнить свою функцию³⁸.

³⁸ См. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 378–380, 352; Архипов И.Л. Российская политическая элита в феврале 1917 [года]: Психология надежды и отчаяния. СПб., 2000. С. 320, 331.